

В мире прекрасного

Зачем, почему и для чего?

Любя свою Родину, свой народ и гордясь его славной историей, нельзя не любить дошедших из глубины веков памятников культуры прошлого. Интерес и любовь к ним — естественное проявление живого чувства патриотизма, сознание вечности и крепости тех глубоких корней современной культуры, которая выросла на почве, возделанной многовековым трудом народа. Но ещё далеко не все понимают значение памятников русского прошлого, относятся к ним равнодушно или, что хуже, отрицают их надобность. В ответ на вопросы читателей по этому поводу и в связи с организацией Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры мы начинаем публикацию ряда статей о значении памятников прошлого Переславского края.

Переславль-Залесский привлекает тысячи туристов. Ведь наш город, по меткому определению писателя М. М. Пришвина, является таким, что в нём «можно, изучая памятники, век за веком представить себе почти всю русскую историю».

Но памятники эти — главным образом церкви. Сейчас многие из них окружены лесами, на которых работают каменщики и плотники, штукатуры и маляры, кровельщики — словом, те люди, которые под руководством архитектора-реставратора восстанавливают первоначальный облик этих сооружений.

Однако в Переславле нередко можно слышать реплики: ни к чему тратить государственные деньги на эти церкви, лучше дома строить.

В самом деле, нужно ли ценить и беречь те памятники прошлого? Зачем сохранять сооружения, связанные с угнетением человеческой мысли религией, интересоваться ими, ремонтировать их теперь, на пороге коммунистического завтра? Не лучше ли их вообще уничтожить?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо разобраться в некоторых чертах истории нашей страны. Выдающиеся памятники русской культуры, дошедшие до наших дней, были созданы в эпоху феодализма. В своё время он был прогрессивной силой, возглавивший борьбу народа с многочисленными врагами, которые стремились поработить страну (татаро-монголы, шведы, тевтоны, шляхетские интервенты). Крупнейшие феодалы — владимирские и московские князья — боролись с теми удельными князьями, которые хотели сохранить раздробленность Руси и выступали против её объединения. Эти объединительные тенденции феодализма поддерживались религией — господствующей тогда формой идеологии, цепко и прочно опутывавшей сознание народа. «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, — писал Ф. Энгельс о том времени, — поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представить им в религиозной одежде». Вот почему борьбу народа с внешними врагами церковь облакала в форму науськивания против «еретиков»: язычников-кочевников, магометан-татар, католиков-тевтонцев и поляков, возглашая идею защиты «истинной веры» от «безбожных агарян» — татар, или «схизматиков-папёжников», исповедовавших иные религии.¹

Поэтому не только прямая борьба против врагов, но и проявление этой борьбы в искусстве, народом осуществлялись и в создании памятников своей эпохи. Примером этому может служить собор Василия Блаженного в Москве и церковь села Елизарова в Переславском районе —

*Васильев, С. Д. В мире прекрасного. Зачем, почему и для чего? / С. Д. Васильев // Коммунар. — 1965. — 14 сентября. — С. 3.

¹Под схизматиками-папёжниками надо понимать католиков. — *Ред.*

памятники военной славы русского народа, построенные «на победу и одоление Казанского царства».

И если такие здания и другие памятники культуры возводились или создавались по приказу и по заказу господствующего класса и церкви, тесно с ним связанной, то выполняли их народные умельцы. А. М. Горький называет основоположниками искусства гончаров и кузнецов, каменщиков и плотников, ткачей и резчиков по дереву и кости, портных и оружейников, словом, простых людей, «чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи».

Отсюда можно сделать вывод: искусство господствующего класса и главенствующей идеологии творил и держал в руках сам русский народ. Созидая и украшая храмы, он был не подневольным слепым исполнителем чуждого или враждебного им дела, а подлинным творцом этих зданий и всего, что их украшало. Ведь церкви были не только культовыми зданиями. В них происходили крупные политические акты, около них собирались всенародные собрания — вече, как это было в Спасо-Преображенском соборе и возле него, в иных хранились запасы оружия или боеприпасов (Петромитрополитская), служили для обороны города против врагов (Никитский монастырь).

Ответ на поставленные выше вопросы возникает сам собой: мы должны любить, изучать и беречь подобные памятники потому, что они были созданы самим народом и, несмотря на их кажущееся чуждое содержание (религиозные сюжеты), были тесно связаны с жизнью и интересами народных масс. Не вина, а беда изумительных умельцев далёкого прошлого, что строили они не дворцы культуры, а церкви, рисовали не портреты современников, а иконы, писали не романы и повести, а «жития» тех или иных людей, иногда мифических.

Вот почему в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем ещё в первые годы Советской власти В. И. Ленин сказал: «Всю старину мы должны тщательно сохранить не только как памятники искусства, это само собой, — но и памятники быта и жизни древних времён. Сюда должны приходить экскурсии, здесь должны быть развёрнуты музеи, здесь должны даваться подробные исторические объяснения посетителям».

Давайте же и совершим такие экскурсии в следующих статьях,

Хитрый ум и умелые руки

Наш осмотр некоторых переславских памятников начнём с ансамбля бывшего Никитского монастыря. Входя в него, мы не забываем, что он был резиденцией жестоких духовных феодалов, которые угнетали народ, что это был очаг мракобесия, опутывающий трудящихся паутиной религиозной идеологии. Всё это ушло навсегда, оставив лишь материальные памятники былого, рассказывающие о замечательных мастерах, соорудивших их.

Перед нами огромный Никитский собор, построенный в 1564 году. Подобных много, но Никитский — уникален несколькими особенностями. Безвестные архитекторы сумели пристроить эту громадину к изящной и скромной церковке 1528 г., подчинили её массиву нового сооружения, но оставили индивидуальные черты. Это во-первых.

Грандиозный внешне, собор поражает и своей обширностью внутри. Для усиления впечатления простора был применён остроумный приём значительного расширения продольной части здания, расчленённого колоннами, выделяющими центр интерьера. Такой «фокус» оптического обмана — единственный в своём роде в архитектуре XVI века. Это во-вторых.

Наконец, конструктивные завершения перекрытий — стрельчатость подпружных арок и сводов — не имеют подобных во всём древнерусском зодчестве.

Только эти три особенности позволяют говорить, что Никитский собор является таким памятником русской архитектуры, каких больше не найдёшь.

С течением веков никитские монахи в погоне за «благолепием» изуродовали его до неузнаваемости: перестроили паперти, расширили окна, изменили кровлю, надстроили барабан центральной главы и так далее. Но сейчас идёт реставрация этого памятника. Проект восстановления собора и всего ансамбля составлен выдающимся советским архитектором В. И. Балдиным, который возглавлял советскую делегацию на Международном съезде реставраторов в Риме

*Васильев, С. Д. В мире прекрасного. Хитрый ум и умелые руки / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1965. — 22 сентября. — С. 3.

в мае 1964 года. Там была высоко оценена работа советских архитекторов-реставраторов вообще и проект Никитского монастыря в частности.

Заметим также, что упоминавшиеся выше перекрытия собора нашли своё отражение в советской архитектуре. Подобные им арки и своды применены при сооружении некоторых станций Московского метро.

Напротив собора стоит здание трапезной палаты. По своему решению оно является тоже единственным памятником гражданской архитектуры XVI века. До Никитской трапезной на Руси не было ни одного здания подобных размеров, в котором бы перекрытие не упиралось в поддерживающий его мощный столб. Спустя столетие этот приём был повторен при строительстве трапезной палаты Троице-Сергиевской лавры в увеличенных размерах более чем в шесть раз, а в 1817 году инженер А. А. Бетанкур и архитектор О. И. Бове использовали его для сооружения ещё более грандиозного Манежа в Москве. Технические расчёты подобных перекрытий вошли, как образцы, в учебники всего мира и сейчас применяются всюду при строительстве огромных залов.

Поглядим на стены, окружающие бывший монастырь. Они, как и во всех русских крепостях, имеют бойницы трёх родов: верхнего, навесного и подошвенного боя. Последние с внутренней стороны стен заключены в неглубокие арки — непрямую принадлежность многих старых крепостей. Зачем они, эти арки?

Не будем приводить полемику о их надобности. Скажем прямо: подобные арки — замечательный пример русской военной хитрости и знания законов акустики. Они предназначались для гашения звуков внутри крепости, чтобы их не услышал враг. И наоборот: конфигурация внешних сторон стены была такова, что все шумы, возникавшие в стане осаждавших врагов, были слышны внутри крепости. Даже сейчас, после переделок и искажений, можно это проверить. И вы убедитесь, какие светлые головы и умелые руки построили подобные ансамбли и сам Никитский монастырь.

Вспомнив, что собор, церкви, трапезная палата и стены Никитского монастыря сыграли героическую роль в 1611 году, когда их осаждали польско-литовские интервенты, мы должны преклониться перед этим архитектурным ансамблем, который является не только памятником гениальности русских людей, построивших его, но и памятником воинской славы нашего народа.

Покинув монастырь, отправимся в город.

Но об этом — в следующей статье.

О чём рассказывают камни

Рассматривая произведения ума и рук древних мастеров, следует помнить, что они не знали «искусства для искусства». Каждое их творение исполнено мысли, определённого замысла и практического значения. Как это проявилось в сохранившихся памятниках Переславля? Посмотрим некоторые.

Церковь Петра Митрополита на Садовой улице — один из редчайших памятников зодчества, в котором воплотились ум, хитрость, практичность и воспоминание о главном прошлом родного города.

Начнём с последнего.

Когда 15 мая 1302 года переславцы на вече утвердили завещание умершего бездетного князя Ивана — внука Александра Невского — которым переславский край передавался его младшему дяде — Данилу Московскому, они этим актом положили первый камень в фундамент будущего русского национального государства со столицей в Москве. Но это решение было не по нутру «старшим князьям», которые при помощи военной силы попытались оторвать Переславль от Москвы и подчинить его себе. Потерпев военное поражение, они ударили по одному из вдохновителей политического роста Москвы — митрополиту Киевскому и всея Руси Петру. Состряпав против него уголовное дело, они сумели организовать суд, который состоялся в здании Спасо-Преображенского собора. На суде Пётр блестяще оправдался, ставка тверского князя была бита: Переславль навеки связал свою судьбу с Москвой.

*Васильев, С. Д. В мире прекрасного. О чём рассказывают камни / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1965. — 29 сентября. — С. 2–3.

Таково мемориальное значение храма, напоминающее о крупном политическом событии начала XIV века — объединении русских земель вокруг Москвы. Кстати отметим ещё одну замечательную традицию русского народа. В честь или в память каких-либо выдающихся событий или людей в древней Руси не было обыкновения, как в древних Риме или Греции, или в Западной Европе, ставить скульптурные памятники, а возводились монументальные сооружения. В память битвы за Переславль 8 июня 1304 года возник Фёдоровский монастырь, в честь рождения Ивана IV и его сына Фёдора — сооружены собор Данилова монастыря и часовня «Крест», о деятельности Александра Невского напоминает церковь его имени и так далее.

Но вернёмся к «Петру». Храм — шатровый. Его формы говорят о многом. Ведь христианство на Руси пришло из тех стран, где никогда не знали снега. Конструкции христианских церквей, перенесённых в деревянную действительность того времени, в страну, где зимой на крышах скапливались массы снега, оказывались несовершенными. Под давлением снега крыши проваливались и храмы разрушались. Вот тут-то и проявилась русская народная смекалка: было придумано такое покрытие, с которого снег скатывался сам и не давил на крышу. Отсюда возникновение шатровых форм завершений церквей. Они так понравились нашим предкам, что когда стали строить уже из камня или кирпича, заказчики так и говорили подрядчикам: «а построить тот каменный храм на деревянное дело». Подобные сооружения, кроме того, прекрасно вписывались в северный пейзаж с его островерхими елями.

Таково второе значение этой церкви, как памятника изобретательности и умения приспособить строение к климатическим особенностям.

Наконец, шатровые храмы имели и военное значение. Их главы использовались как сторожевые вышки, с которых просматривались окрестности. При появлении врагов на них зажигался костёр, и этот своеобразный «дымный телеграф» передавал дальше сигнал об опасности. В подвалах подобных храмов часто хранились боеприпасы и оружие, как это было и в рассматриваемом памятнике.

Посмотрим теперь на некоторые здания переславских монастырей с другой стороны: как в них воплотились вкусы людей своего времени.

В XVII веке в Переславле возникают новые постройки Данилова монастыря. Они группируются вокруг собора 1532 года, который является сам по себе выдающимся памятником архитектуры и монументальной живописи. Это — изящная по формам и деталям Всехсвятская церковь, трапезная палата с Похвалинской церковью и огромные братские покои. Несмотря на многочисленные перестройки и переделки, они поражают нас своим убранством. Особенно пышно декорирована северная стена трапезной. Она изобилует каменными резными украшениями, впадинами, раковинообразными кокошниками по карнизу. Когда-то вход в трапезную шёл через шатровые крыльца, снятые впоследствии; от них остались только нарядные арки.

В том же XVII веке в Горицком монастыре возводятся «святые» и «входные» ворота. Их стены и арки также богато отделаны самыми причудливыми украшениями из лекальных кирпичей и белокаменной лепнины. Щедрой рукой безвестный строитель декорировал стены так, что они скорее напоминают вышивку концов холщовых полотенец, чем архитектурное украшение.

Нарядные здания XVII века в Переславле показывают, как в церковную архитектуру врываются «мирские» вкусы, внося в неё жизнерадостную красочность, разнообразие и обилие архитектурного убранства. Это стремление уйти от религиозной суровости с её напоминанием о «том свете», о «страшном судилище» и его последствиях проявилось и в других культовых зданиях Переславля, как, например, Смоленско-Корнильевская церковь 1696—1705 гг.

В сущности, история древнего зодчества, есть история его связей с жизнью, с творчеством народных мастеров, создавших подлинную каменную летопись России. Вот почему они, эти здания, требуют заботливости живущих рядом людей, их учёта, охраны и изучения.

Переключки веков

Мы хотя и поверхностно, но познакомились с некоторыми памятниками зодчества древнего Переславля.¹ А теперь зайдём в Художественный отдел Переславского музея, в зал, где экспонируются произведения русского искусства XIV—XVII веков.

*Васильев, С. Д. В мире прекрасного. Переключки веков / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1965. — 8 октября. — С. 3—4.

¹См. «Коммунар» №№ 147, 152, 156.

...Не часто, но бывает, что посетители музея, попав в этот удивительный зал, говорят: «фу — иконы», и идут дальше. Сегодня можно прямо сказать, что это — результат многолетнего заблуждения многих воспитателей молодёжи, не прививших своим питомцам чувства эстетики и марксистско-ленинского понимания произведений искусства далёких времён, забвения ленинской оценки их. Ленин указывал, что марксизм «усвоил и переработал всё, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли, и культуры», говорил, что строить новую культуру социалистического общества можно только на основе точного знания и переработки «культуры, созданной всем развитием человечества».

Иные «эрудиты» договаривались до того, что если Тициан, Ван-Дейк, Боттичелли, Рафаэль и другие художники средневекового Запада изображали религиозные сюжеты, то их произведения надо почтительно именовать картинами. А если то же самое и в те же времена рисовали русские художники, причём той же техникой и такими же красками, то их труды подчёркнуто презрительно звали иконами и стремились уничтожать их, как «инструмент религиозного порабощения трудящихся масс». Приведём лишь один местный пример подобного отношения.

В середине 1950-х годов архитектор Е. М. Караваева в селе Ям нашла икону, использовавшуюся как щит для закрома. Явление обыденное для тех времён. Но икона оказалась, во-первых, датированной 1585 годом, да ещё, во-вторых, именной, сделанной по заказу ямщика XVI века Алексея Никифоровича Нуцкова. Комментарии хотя и излишни, но позволим себе заметить, что нашёлся памятник сельской культуры (что редкость!) и что фамилия Нуцковых и ныне здравствует в селе Ям.

Подобные примеры пренебрежения можно умножить.

Однако вернёмся в зал. Первое, что бросается в глаза — алтарные врата XVI века — удивительное произведение переславских резчиков по дереву. Недаром в 1867 году на Всемирной выставке в Париже они получили медаль и диплом. Этим международное жюри отдало дань русским народным искусникам. Подобных произведений в России сохранилось только семь.

Обращают на себя внимание деревянные скульптуры многих святых и их иконописные изображения. На первый взгляд — святые как святые. Но взгляды внимательнее, и они окажутся очень разными, непохожими друг на друга ни лицами, ни фигурами, хотя и носят одинаковые имена. В чём дело? Почему апостолы, святые, ангелы иконостаса села Спасского разнятся от подобных изображений рядом? Ведь были же «Лицевые подлинники» — правила изображения главных святых. Сухими казались эти «словесные портреты»: лоб высок, волосы седые, брада длинная, усы свислые, глаза тёмные, горбонос, сам худ. Облик святого приходилось домысливать иконописцу. Но домысливал ли художник?

Известно, что ни один художник не рисовал людей «из головы». Он их находил там, где творил, и сотни лет назад, и теперь. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что со многих икон переславской школы (а такая была в XVII веке!) и разных фигур на нас глядят переславцы давно прошедших времён. В том и великое достоинство этих, порой наивных изображений. Среди них — совершенно необычное произведение переславца С. Казаринова. На иконе «Семь таинств» он изобразил свадьбу её заказчика — переславца Н. Ведерницына. С большим мастерством художник показал костюмы того времени, а главное, дал настоящие портреты четырёх переславцев 1682 года. Мы уже не говорим, что икона превратилась в жанровую картину.

Многолетнее пренебрежение к работам древних мастеров не только привело к гибели этих работ, но иной раз затрудняет их понимание. Но те примеры, которые приведены, показывают, что при изучении памятника культуры прошлого, хоть и насыщенного религиозным содержанием, выявляется глубокое знание его творцом своей эпохи и её особенностей. Поэтому, несмотря на чуждую нам оболочку, мы в этих памятниках находим и человеческие чувства, страдания, помыслы, стремления. Очень хорошо сказал об этом 11 июля на открытии выставки А. Пяткова в музее Павел Павлович Афанасьев, семидесятилетний переславец. Он подчеркнул, что до знакомства с художниками, прожив долгую жизнь в Переславле, не замечал его прелестей, не понимал их, а теперь на старости лет художники научили его смотреть на родные места по-иному, волноваться за них и ещё больше любить их.

Вот так же рассмотрение творений рук талантливых предков волнует и нас, живущих в иную эпоху, потому что

...Боги падают, как перезрелые,
Осуждённые солнцем плоды,
Но бессмертны святые и смелые
Человеческие труды...

Беречь дело рук человеческих — сокровища культуры, понять их, широко знакомить с ними, — благородная задача именно теперь, когда Родина строит коммунизм и когда активность народа возросла неизмеримо. Дело охраны этих сокровищ передаётся в крепкие руки самого народа.

Но об этом — в следующей статье.¹

¹Цикл прекратился, никакой следующей статьи не было. — *Ред.*